

Федеральная служба по надзору за соблюдением законодательства
в области охраны культурного наследия
Министерство культуры Республики Татарстан
Академия наук Республики Татарстан
Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ
Казанский (Приволжский) федеральный университет
Государственный историко-архитектурный и художественный
музей-заповедник «Казанский Кремль»
Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского
Омский филиал Института археологии и этнографии
Сибирского отделения РАН
Сибирский филиал Российского института культурологии

ИНТЕГРАЦИЯ

археологических и этнографических исследований

Сборник научных трудов

ЧАСТЬ 1

Казань, Омск
2010

УДК 930.26+39
ББК 63.40+63.50
И 73

И 73 Интеграция археологических и этнографических исследований: сборник научных трудов. Часть 1 / отв. ред. М.Л. Бережнова, С.Н. Корусенко, Р.С. Хакимов, Н.А. Томилов (гл. ред.). – Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2010. – 468 с.

ISBN 978-5-94981-156-6

Данный сборник подготовлен на основе материалов Международного форума «Цифровые технологии в системе инноваций сферы сохранения культурного наследия» и включает статьи XVIII Международного научного симпозиума «Интеграция археологических и этнографических исследований», посвященного 80-летию со дня рождения Павла Ивановича Пучкова и 80-летию со дня рождения Альфреда Хасановича Халикова (Казань, 6–8 октября 2010 г.).

Представлены статьи археологов, этнографов и ученых ряда смежных наук Азербайджана, Армении, России, Казахстана, Молдовы, Узбекистана, Украины, посвященные проблемам интеграции археологических и этнографических исследований. Содержится ряд статей по методологическим, теоретическим, историографическим и методическим проблемам археолого-этнографической интеграции, а также ряд материалов, посвященных результатам конкретных исследований археологических памятников и традиционных культур. Особенностью данного сборника является то, что в него включены работы, посвященные изучению и реконструкции костюма традиционных культур.

Книга рассчитана на специалистов в области этноархеологии, археологии, этнографии, истории, культурологии, лингвистики и других наук.

ББК 63.40+63.50

Рецензенты:

д-р ист. наук Т.Б. Никитина
д-р ист. наук Г.Р. Столярова

Редакционная коллегия:

д-р ист. наук Н.А. Томилов (гл. ред.), канд. ист. наук М.Л. Бережнова (отв. ред.), канд. соц. наук Г.Ф. Габдрахманова, канд. ист. наук М.А. Корусенко, канд. ист. наук С.Н. Корусенко (отв. ред.), канд. ист. наук А.В. Матвеев, акад. РАН В.И. Молодин, И.М. Нестеренко, д-р ист. наук Д.Г. Савинов, канд. ист. наук А.Г. Ситдилов, канд. ист. наук С.Ф. Татауров, канд. ист. наук Л.В. Татаурова, канд. ист. наук К.Н. Тихомиров, канд. ист. наук М.Н. Тихомирова, канд. ист. наук С.С. Тихонов, канд. ист. наук Р.Р. Хайрутдинов, д-р ист. наук Р.С. Хакимов (отв. ред.), д-р ист. наук Ю.С. Худяков.

ISBN 978-5-94981-156-6

© Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2010
© Омский филиал Института археологии и этнографии СО РАН, 2010

8. Патрушев В.С. Марийский край в VII–VI вв. до н.э. – Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1984. – 231 с.
9. Патрушев В.С., Халиков А.Х. Волжские ананьинцы. – М.: Наука, 1982. – 290 с.
10. Сепеев Г.А. Восточные марийцы. – Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1975. – 182 с.
11. Смирнов И.Н. Мордва: Ист.-этногр. очерк. – Казань: тип. ун-та, 1895. – 291 с. – (Восточные финны : Историко-этногр. очерки. Т. 1: Приволжская, или булгарская группа. Ч. 2).
12. Смирнов И.Н. Черемисы : Ист.-этногр. очерк. – Казань: тип. ун-та, 1889. – 265 с. – (Восточные финны : Историко-этногр. очерки. Т. 1: Приволжская, или булгарская группа. Ч. 1).
13. Техов Б.В. Центральный Кавказ в XVI – X вв. до н.э. – М.: Наука, 1977. – 242 с.
14. Халиков А.Х. Древняя история Среднего Поволжья. – М.: Наука, 1969. – 396 с.

С.А. Перевозчикова

Россия, Ижевск, Институт истории и культуры народов Приуралья

РЕКОНСТРУКЦИЯ ГОЛОВНЫХ УБОРОВ ПО МАТЕРИАЛАМ МОГИЛЬНИКОВ НЕВОЛИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

В данной работе были использованы материалы могильников VI–IX вв., расположенных в Сылвенско-Иренском поречье. Из семнадцати известных нам могильников неволинской культуры для реконструкции головных уборов были привлечены материалы Неволинского (Н) (32 погребения), Верх-Саинского (ВС) (24 погребения), Сухоложского (СЛ) (4 погребения) и Бартымского (Б) (1 погребение) некрополей [1–15]. Необходимо отметить, что тканевые и кожаные детали от головных уборов в могилах не сохранились, за исключением погребений 5 и 129 Верх-Саинского могильника. Были выявлены лишь металлические украшения и бусы. Поэтому реконструкция головных уборов производилась исключительно исходя из положения найденных вещей.

Головной убор, скорее всего, представлял собой ленту или шапочку. Иногда низ шапочки/ленты украшался рядом бусин (ВС, 132; Н, 154; рис. 1.10), реже – монетами (ВС, 80/1, 83/1). С одной или двух сторон к краю головного убора прикреплялись височные украшения, в основном, по одному экземпляру с каждой из сторон (рис. 1.9). В единичном случае рядом с височным украшением была прикреплена и крестовидная подвеска (ВС, 132). В некоторых вариантах височные украшения соединялись бронзовой цепочкой, проходящей под подбородком (ВС, 120; Н, 155, 212, 213; рис. 1.11). Аналогичные способы украшения подвесок были зафиксированы в погребении 7 Большеитиговского могильника [17, рис. 22]. В погребении 129 Верх-Саинского могильника, где сохранились небольшие фрагменты ткани, шапочка снизу была подшита полосой (?) желтого шелка, а сверху украшалась бисером и бусами. С правой стороны, у виска, располагалась колесовидная подвеска, к которой дополнительно были прикреплены три коротких низки бус. Немного далее, ближе к уху, подвешивались и височные украшения.

Уникальным является убранство для волос из погребения 5 Верх-Саинского могильника. Он представлял собой кожаную узкую полосу, длиной 40 см и шириной 1 см, украшенную бронзовыми пронизками-обоймами (рис. 1.12). Свободными являлись лишь концы этой полосы. Рядом с кожаной полосой была зафиксирована серебряная застежка, оформленная зернью и тремя каменными вставками. По расположению этих вещей можно предположить, что волосы умершей женщины были собраны сзади в пучок. Концы этого пучка были закручены с помощью этой кожаной полоски во внешнюю сторону до корней волос. После этого концами полосы огибали полученный шиньон сверху и закрепляли их застежкой. Подобный способ крепления волос был известен у литовского населения V–IX вв. (могильник Плинкайгалис) [16, с. 157, рис. 536].

В 34 погребениях зафиксировано определенное расположение предметов, свидетельствующее о наличии накосников. По имеющимся предметам можно предположительно выделить два типа накосников: на кожаном шнурке и в чулочной основе. При этом, судя по расположению предметов, женщинам заплетались по две косы, и только в трех погребениях (Н, 94; ВС, 137; Б, 19В) у умерших, предположительно, была одна коса.

В пяти погребениях (ВС, 80/1; Н, 99, 174, 205, 245) украшения (колесовидные, лапчатые или коньковидные подвески), вероятно, прикреплялись к концам единого кожаного шнурка, вплетавшегося в две косы. Только в погребении 152 Верх-Саинского могильника была зафиксирована подвеска-костылек, к которой прикреплялся накосник (рис. 1.15). Иногда в месте сгиба шнурка, или на одном из его концов фиксировались 3–4 бусины (Н, 174, 205). В шести случаях (ВС, 24, 137, 149; Н, 94, 132, 153) кожаный шнурок, скорее всего также вплетенный в косы, украшался рядом бус (рис. 1.1, 2, 7, 13–18). При этом расположение бус могло быть различным – от плотного до более разреженного, а также только на свободном конце косы (Н, 94; рис. 1.1). Низки бус также украшались различными типами подвесок. При этом их расположение было так же неодинаковым – на концах, в центре, ассиметрично друг другу и т.д. Основными украшениями накосников являлись монеты (по одному экземпляру, обычно у верха одной из кос – Н, 83, 101, 106; рис. 1.18), пронизки-коньки (в центре пронизи на одной

из кос – ВС, 35/1; или на концах обеих кос – Н, 223; рис.1–14), колесовидные подвески и костылек (ВС, 150; рис.1–13), лапчатые подвески (на концах обеих кос – Н, 101, 106; рис. 1.18), подвески-бубенчики и крестовидная (асимметричное расположение на обеих косах – ВС, 65Б; рис.1–17), крестовидные подвески (на окончаниях обеих кос – Н, 140; рис. 1.16).

От выше перечисленных немного отличаются два накосника. В погребении 19В Бартымского могильника накосник, причем только для одной косы, был украшен семью трубчатыми пронизками, заканчивающимися шумящей арочной подвеской (рис.1.3). В погребении 213 Неволинского могильника концы вплетенного кожаного шнура заканчивались низками бус (рис. 1.5).

Более сложны по конструкции и наличию украшений накосники в виде чулочной основы. Наличие такой основы предполагается потому, что имеющиеся в арсенале украшения достаточно массивны и представлены в большом количестве (по 4–10 украшений). Поэтому предполагается наличие тканевой основы-«чулка», к которой и крепились все предметы. Можно выделить два вида таких накосников. К первому виду относятся накосники с украшениями в виде одной низки на каждом из накосников (4 экз.). Они состояли из ряда бус; заканчивались арочными шумящими (ВС, 9/2, 17/1; рис. 2.1, 2), крестовидными (ВС, 184; рис. 2.4) или колесовидными (ВС, 79/1; рис. 2.3) подвесками. Расположение украшений на обеих косах было симметричным, за небольшими исключениями. Так, иногда только на одной из кос присутствовали монета и колесовидная подвеска (ВС, 17/1) или спиралевидные пронизки (ВС, 79/1).

Ко второму виду чулочных накосников относятся накосники с двумя пронизями на каждой из кос (6 экз.). Обязательным элементом является окончание одной из пронизей в виде шумящей подвески, которая крепилась или на бронзовой цепочке (Н, 155; СЛ, 4, 12; рис. 2.8, 10), или на низке бус (Н, 212; рис. 2.6). В других случаях окончаниями одной из пронизей служили подвески-коробочки (Н, 138; рис. 2.5) или колесовидные подвески (Н, 261; рис. 2.7). Эти подвески находились на обеих чулках и иногда соединялись между собой короткой бронзовой цепочкой (Н, 212; рис. 2.6).

Вторая пронизь отличается многообразием вариантов. Здесь не наблюдаются четкие правила в их оформлении и сочетании: арочные подвески (Н, 155; рис. 2.10), печатка и крестовидная подвеска (Н, 212; рис. 2.6), монеты и флакончатая пронизка (Н, 261; рис. 2.7), лапчатая подвеска, бубенчик и спиралевидная пронизка (СЛ, 4; рис. 2.8), две монеты и флакончатая пронизка на одной косе и монеты с двумя лапчатыми подвесками на другой косе (СЛ, 12; рис. 2.9), подвеска-игольник (Н, 138; рис. 2.5).

Самые близкие аналогии неволинским накосникам были найдены в материалах памятников ломоватовской и полумской культур [18, с. 61–80; 19, с. 210–231]. Несмотря на выявленное исследователями многообразие в оформлении накосников, полные аналогии имеются лишь в Важгортском (кожаный шнурок с колесовидными подвесками на концах) и Баяновском (кожаный шнурок с подвесками-коньками на концах) могильниках [18, с. 134, 146]. В остальном неволинские накосники схожи с ломоватовскими и полумскими накосниками по способу крепления к косам, конструкции и видам украшений. Главной отличительной особенностью накосников неволинской культуры заключается в том, что кожаный шнурок практически во всех случаях украшался низкой бус, в то время как в ломоватовских памятниках на накосниках часто фиксировались пронизы из трубчатых пронизок (Плесинский, Каневский, Редикарский, Деменковский, Баяновский, Урынский могильники), а крепление подвесок на полумских накосниках характерно при помощи бронзовых цепочек (Варнинский могильник) [18, рис. 32, 35–42, 50; 19, рис. 1, 4, 8, 10, 12].

Таким образом, для населения Сылвенско-Иренского поречья в VI–IX вв. были характерны тканевые шапочки или ленты, украшенные по низу изделия бусами и височными украшениями. С задней стороны головные уборы дополнялись накосниками в виде кожаных шнурков или чулочных основ, декорированных низками из бус, монет и подвесок. Подобные головные уборы были распространены в Верхнем Прикамье среди памятников ломоватовской и полумской культур VI–IX вв., но при этом неволинским головным уборам местное население придавало немного своих, индивидуальных, черт в оформлении накосников.

Список литературы и источников

1. Архив Института археологии РАН. Ф. р-1. Д. 3740 (Голдина Р.Д. Отчет о раскопках Неволинского могильника, произведенных летом 1968 г.).
2. Архив Института истории и культуры народов Приуралья. Ф. 2. Д. 97 (Голдина Р.Д. Отчет о раскопках Неволинского могильника, проведенных летом 1979 г. Камско-Вятской экспедицией).
3. Архив Института истории и культуры народов Приуралья. Ф. 2. Д. 149 (Водолаго Н.В. Отчет об исследованиях Верх-Саинского могильника в 1982 г.).
4. Архив Института истории и культуры народов Приуралья. Ф. 2. Д. 162 (Водолаго Н.В. Отчет об исследованиях в Березовском районе Пермской области в 1983 г. Т. I: Бартымский могильник).
5. Архив Института истории и культуры народов Приуралья. Ф. 2. Д. 177 (Водолаго Н.В. Отчет о работах в Березовском районе Пермской области в 1983 г.).
6. Архив Института истории и культуры народов Приуралья. Ф. 2. Д. 196. (Водолаго Н.В. Отчет о работах в Пермской области в 1984 г.)

7. Архив Института истории и культуры народов Приуралья. Ф. 2. Д. 231 (Киржнер Е.Э. Отчет о полевых исследованиях в Кишертском районе Пермской области в 1986 г.).
8. Архив Института истории и культуры народов Приуралья. Ф. 2. Д. 239 (Водолаго Н.В. Отчет о работах в Татарской АССР и Пермской области в 1986 г.).
9. Архив Института истории и культуры народов Приуралья. Ф. 2. Д. 248 (Водолаго Н.В. Отчет о раскопках могильника и поселения Сухой Лог в Кишертском районе Пермской области в 1986 г.).
10. Архив Института истории и культуры народов Приуралья. Ф. 2. Д. 254 (Водолаго Н.В. Отчет об исследованиях раннесредневековых могильников в бассейне р. Камы в 1987 г.).
11. Архив Института истории и культуры народов Приуралья. Ф. 2. Д. 267 (Киржнер Е.Э. Отчет об археологических исследованиях в Кишертском районе Пермской области в 1987 г.).
12. Архив Института истории и культуры народов Приуралья. Ф. 2. Д. 276 (Киржнер Е.Э. Отчет об археологических исследованиях в Кишертском районе Пермской области в 1988 г.).
13. Архив Института истории и культуры народов Приуралья. Ф. 2. Д. 277 (Водолаго Н.В. Отчет о работах в ТАССР и Пермской области в 1988 г.).
14. Архив Института истории и культуры народов Приуралья. Ф. 2. Д. 288 (Водолаго Н.В. Отчет об исследованиях могильников в Пермской области и Татарской АССР в 1989 г.).
15. Архив Института истории и культуры народов Приуралья. Ф. 2. Д. 288 (Голдина Р.Д. Отчет об исследовании Верх-Саинского могильника в Березовском районе Пермской области в 1992 г.).
16. Волкайте-Куликаускене Р.К. Одежда литовцев с древнейших времен до XVII в. // Древняя одежда народов Восточной Европы. Материалы к историко-этнографическому атласу. – М.: Наука, 1986. – С. 146–171.
17. Казаков Е.П. Волжские болгары, угры и финны в IX–XIV вв.: проблемы взаимодействия. – Казань: Изд-во Ин-та истории АН РТ, 2007. – 208 с.
18. Крыласова Н.Б. История прикамского костюма. Костюм средневекового населения Пермского Предуралья: Монография – Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2001. – 220 с.
19. Шутова Н.И. Женская одежда средневекового населения бассейна Чепцы (по данным раскопок Варнинского могильника 1990–1991 гг.) // Пермский мир в раннем средневековье – Ижевск: Изд-во Удмурт. ин-та истории, языка и литературы Ур. отд-ния РАН, 1999. – С. 210–231.

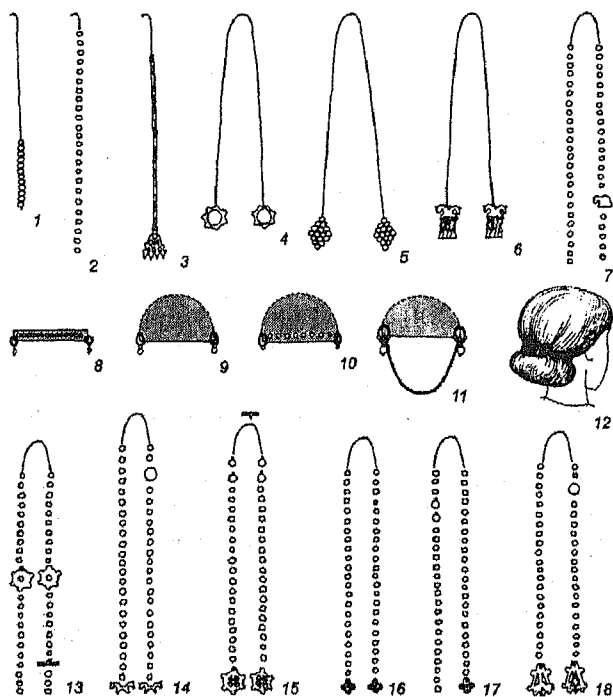

Рис. 1. Схематичное изображение наконников и головных уборов из погребений (п.):

Неволинский могильник: 1 – п. 94; 5, 11 – п. 213; 6 – п. 99; 9 – п. 120; 10 – п. 154; 14 – п. 223; 16 – п. 140; 18 – п. 106), Верх-Саинского (2 – п. 137; 4 – курган 80, п. 1; 7 – курган 35, п. 1; 12 – п. 5; 13 – п. 150; 15 – п. 152; 17 – п. 65Б); Бартымский могильник: 3 – п. 19В; Сухоложский могильник: 8 – п. 4.

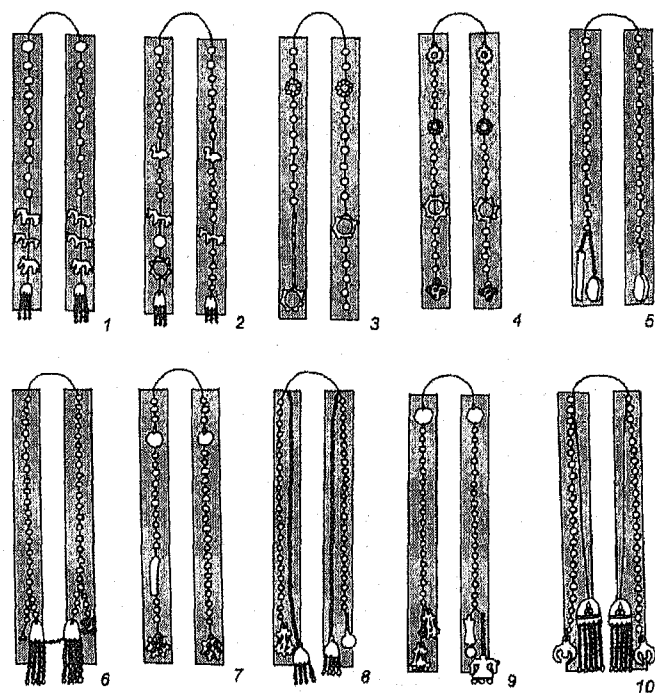

Рис. 2. Схематичное изображение наконников из погребений:

Верх-Саинский могильник: 1 – курган 9, п. 2; 2 – курган 17, п. 1; 3 – курган 79, п. 1; 4 – п. 184; Неволинский могильник: 5 – п. 138; 6 – п. 212; 7 – п. 261; 10 – п. 155; Сухоложский могильник: 8 – п. 4; 9 – п. 12.